

иностранными дворами, не представляла опасности. Угрозы немногимъ, наиболѣе рьянымъ и несговорчивымъ, и щедрый покупъ остальныхъ, болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ, какъ именно и совѣтовалъ Фридрихъ съ самаго начала, довершили бы дѣло безъ всякихъ насилій и конечно съ большей пользою для взаимныхъ отношеній поляковъ и русскихъ. Но послѣдніе, видя себя господами положенія, не хотѣли выносить никакихъ промедленій, ни малѣйшаго сопротивленія. Отъ угрозъ они безпрестанно порывались перейти къ дѣйствию и по временамъ переходили, каждый разъ самымъ неудачнымъ образомъ. Такъ въ Грауденцѣ русскія войска разогнали сеймикъ, не соглашавшійся выбрать генерала Панятовскаго. Кейзерлингъ и кн. Репнинъ, посланный ему на подмогу, напечатали въ варшавскихъ газетахъ отъ имени Порты декларацию, въ которой Порта будто бы заявляла, что не потерпитъ иностраннаго принца на польскомъ престолѣ, тогда какъ Порта, разумѣется, и не помышляла дѣлать подобной деклараціи. Нечего и говорить, что о союзѣ, давно будто бы заключенномъ у Россіи съ Пруссіей, они кричали съ крышъ и всѣхъ и каждого убѣждали, что при малѣйшемъ неповиновеніи, кромѣ русской арміи, и прусская вторгнется въ Польшу. Не довольствуясь этимъ, Кейзерлингъ повидимому самовольно, безъ specialнаго распоряженія о томъ двора, счелъ нужнымъ преждевременно объявить примасу Польши, какого собственно кандидата Россія и Пруссія желаютъ видѣть на польскомъ престолѣ. Онъ сдѣлалъ это въ секретномъ разговорѣ, но quasi-официально, въ присутствіи Чарторыхскихъ и самого Панятовскаго, да еще убѣдилъ прусскихъ министровъ явиться къ примасу вмѣстѣ съ нимъ и подтвердить его заявленіе. Все это съ одной стороны крайне возбуждало поляковъ, первоначально мирно настроенныхъ, съ другой компрометировало Фридриха, который, по разнымъ, весьма уважительнымъ причинамъ, вовсе не желалъ выставляться впередъ. Но что хуже всего, это—что Панинъ почему-то находился если не прямо въ воинственномъ, то все же въ весьма задорномъ настроеніи. Онъ всячески поддерживалъ Екатерину въ ея стремленіи исполнить просьбу Чарторыхскихъ и послать имъ отрядъ войска на помощь. Побуждала его къ этому досада на курфюрста саксонскаго и на Радзивилла съ Браницкимъ, изъ которыхъ первый распустилъ и отправилъ на родину три полка польскихъ уланъ, находившихся до того времени въ Саксоніи, а вторые немедленно наняли этихъ уланъ къ себѣ на службу. Это обстоятельство не давало покоя Панину и онъ непремѣнно хотѣлъ устроить такую же штуку,